

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА НЕРАВНЫХ: СВИДЕТЕЛИ, ВЕДЬМЫ И ИНКВИЗИТОРЫ В ВЕНЕЦИИ XVI ВЕКА

Процессы и разбирательства, которые нас интересуют, шли с середины XVI в. по 1580-е гг. в Венеции. Историография ведовских инквизиционных процессов обширна, но наименее изученным аспектом является именно выяснение того, как осуществляется коммуникация. В данной статье фокусируется проблема взаимодействия заведомо неравных сторон: неравных по социальному или гендерному статусу, а также противопоставленных ситуативно (*ad hoc*). Тактики защиты при схожести обвинения могли быть разными: от прямого физического уклонения от встречи с дознавателями, или хотя бы отрицания наиболее тяжелой и трудно доказуемой вины, до полного сотрудничества со следствием, с сообщением большого объема информации по делу, чем это была испрошено инквизиторами, саморазоблачения и доноса на ближних и товарок. Истории ведьм и знахарок Венеции, правовые казусы интересны помимо прочего тем, что показывают особые возможности построения поля коммуникативных связей, пространство диалога неравных. Преступление (ведовство, знахарство, магические практики) и наказание за них – как бы два зеркальных мира, имеющих нечто общее – возможность осуществления коммуникации, невзирая на различие статусов и дискурсов.

Ключевые слова: *ведовство, Венеция, вольгаре, volgare, гендер, inquisitio, история права, история повседневности, коммуникация, народная религиозность, XVI век.*

В данном исследовании фокусируется проблема особенностей коммуникации заведомо неравных сторон: неравных по социальному и гендерному статусу, а также противопоставленных ситуативно, т.е. исполняющих роли обвинителей (дознавателей) и обвиняемых (или свидетелей, но, возможно, одновременно и подозреваемых).

Речь идет о сложных, составных казусах: случаях дознания относительно ведовских и магических практик, а именно: гаданий, предсказаний, знахарства с обращением к потусторонним нечистым силам. Процессы и разбирательства, которые нас интересуют, шли с середины XVI в. по 1680-е гг. в Венеции, одном из самых примечательных центров городской культуры эпохи.

Историография ведовских инквизиционных процессов обширна, но, безусловно, наиболее острым и наименее изученным аспектом является то, как функционирует принцип *inquisitio*, как осуществляется коммуникация, как вообще может строиться диалог и некоторое взаимное понимание следователя и подследственного в стрессовой ситу-

ации дознания. Далеко не все исследователи задаются этими вопросами и пытаются на них ответить. В прекрасном и подробном историографическом очерке Микелы Валенте, отражающем современное состояние литературы и методов исследования, этим темам уделено должное внимание, не снимающее остроты изучаемой проблемы¹.

Я выделяю для себя в данном случае работы по инквизиционным ведовским процессам в Сиене как близкие по хронологии и по некоторым постановкам вопросов, в связи с проблемами ведовства и медицинский знаний под прицелом инквизиции², а также исследования магических практик и поклонения дьяволу³.

Среди русскоязычных исследовательских трудов по этой проблеме можно выделить работы О.И. Тогоевой, однако в них (на французском материале) педалируется особая ситуация буквального «выпытывания» правды, применения насилия, болевого воздействия на подозреваемых, находящихся под угрозой смертной казни⁴.

Меня же занимает состояние более свободной во всех смыслах коммуникации, при которой диалог поддерживается без угрозы физического насилия и пытки, где на кону не стоит жизнь или смерть на костре. При этом существовали случаи разбирательств, при которых главное подозреваемое лицо так и не обнаруживается до конца следствия или выявляется в самом его конце, а также случаи, когда установленная на основе множества свидетельских показаний главная подозреваемая не участвует в процессе лично, скрывается или ссылается на болезнь, приковавшую к постели. Свидетели, даже рискующие стать соответчиками, не испытывают такого страха и стресса, как уже обвиненные и пытаемые. Есть случаи, когда отправным моментом служит исповедь, переходящая затем в дознание, а признание сохраняет, по крайней мере, видимость добровольности, поскольку подозреваемая (в ереси или колдовстве) является добровольно для дачи показаний и свидетельства в пользу своей невинности.

Основной задачей данной работы является исследование дискурсов и режима диалога, которые структурируются в ходе процессов. В то же время юридические особенности, гендерные стереотипы и история церкви – три кита, на которых стоит современная историография ведовского процесса, – включаются в данное исследование как бы

---

¹ Valente 1998.

² Di Simplicio 2000.

³ Ceppari 1999; 2003.

⁴ Тогоева 2006.

в фоновом режиме, не становясь приоритетными вопросами. Это не отменяет того обстоятельства, что в материалах процессов отражена как буква закона и логика инквизиторов (с особой структурой и дискурсом дознания), так и множество разнородных дискурсов самозащиты или простонародных обвинений: свидетельских показаний, указывающих на практики ведовства или случаи одержимости, где в качестве свидетелей выступают не столько уважаемые и компетентные граждане, сколько женщины низкого звания и статуса, товарки и клиентки главных ответчиц и подозреваемых. Такие свидетели могли участвовать на стороне обвинения, но чаще сами были вовлечены в осуждаемые магические действия и в любой момент рисковали оказаться соотчетчиками и обвиняемыми.

Различия дискурсов ответчиков (свидетелей) и обвинителей здесь проявляются самым ярким образом. Кроме того, сторона обвинения и, условно говоря, сторона, призванная к ответу или даче показаний, используют разные языки: латынь для выстраивания пунктов допроса и обвинения и простонародную форму нарождающегося итальянского языка вольгаре (притом в особом варианте венецианского диалекта). Заметим, однако, что вопреки общей практике судебного процесса, именно в Венеции нотариус и дознаватель задают вопросы на народном языке и записывают показания так, как их произнес свидетель.

Латынь, основной язык права, разумеется, не исключается полностью. В случае необходимости обвиняемые могли обращаться с прошением о помиловании к властям Светлейшей Республики и лично к Патриарху Венеции через посредника-знатока, который составлял необходимую бумагу на латыни или на вольгаре, но в особой стилистике, близкой языку гуманистов, т.е. письменному ученому языку, а не собственно народному наречию. Латинизированный беловой вариант показаний фрагментарно появляется в заключительной части дела и его записи в виде судебного решения, однако, очевидно, что по ходу развития дела у подозреваемого и свидетеля сохранялась возможность понять и признать подлинность записанного с его/ее слов, так как объем зафиксированных на вольгаре данных превосходит латинизированные записи. Еще раз подчеркнем, что такое движение навстречу «слабой» стороне обычно в средневековой судебной и нотариальной практике не проявляется, ни в случае церковного, ни в случае светского суда.

Любопытно, насколько интернациональным городом была Светлейшая и как много международных связей пересекалось здесь. Весьма показательными являются материалы дознаний и преследования некоей

умудренной опытом женщины, имевшей познания в астрологии и медицине, уроженки Милана, но обитавшей многие годы в Венеции. Имя подозреваемой передается различным образом в разных свидетельствах. Поскольку в официальном инквизиторском дискурсе господствовала латынь, то оно фигурировало в форме Иоанна (Ioanna), в показаниях же, записанных со слов соседей и других знавших женщину жителей Светлейшей республики, встречаются различные формы простонародного произношения имени, от близкого современному итальянскому Джованна, до диалектного (*Astrologa Zuana*). Я предполагаю именовать обвиняемую Иоанной, дабы подчеркнуть официальный характер обвинения и специфику правового свидетельства (в рассказе о повседневной жизни Венеции XVI века было бы предпочтительнее сохранить диалектную форму именования).

На этом случае обвинения и расследования мы остановимся наиболее подробно, поскольку дело Иоанны сложное, давнее, объединяющее ряд смежных проблем и проявляющее ряд особенностей, как собственно дознания и дачи свидетельских показаний, так и примечательных аспектов городской жизни, статусных отношений, гендерной специфики. Иоанна была подозреваемой, неоднократно обвиняемой и ходатайствовавшей о помиловании с раскаянием и обещанием не нарушать предписаний благочестия. Именно такое прошение о помиловании было составлено в 1554 г., явно, судя по стилистике народного, но все же внятного и строгого языка, не самой обвиняемой в колдовстве, но по ее личной просьбе каким-то местным специалистом по ходатайствам, когда встал вопрос об изгнании оной из Венеции⁵. Отметим, однако, что и самой опасной, по мнению властей города, особой, давались некие показания перед трибуналом (или должны были даваться, а также должен был протоколироваться сам факт явки подозрительной особы в трибунал в определенные дни года).

Интерес различных городских властей к судьбе предполагаемой колдуньи, вероятно, затухал и возникал вновь неоднократно. Возобновившееся в очередной раз дознание примечательно тем, что дело Иоанны разбиралось в присутствии самого патриарха Венеции (и Далмации), что указывает на серьезность и сложность казуса. Патриарх не только воплощал своей особой высшую духовную власть Свет-

---

⁵ *Streghe e diavoli nei processi del S Ufficio p.19-20 ...povera et infelice Zuana Milanese ditta astrologa. ...prostrate a piedi di V S himilmente le supplico voglino esser contente per le viscera del Nostro Signor Jesu Christo, qual mediante la sua misricordia mi perdonera ditto peccato.*

лейшей, но и предстал в качестве специалиста в области обоих видов права, что специально отмечалось в записи дела⁶.

Обвинение в сентябре 1556 г. выдвинул секретарь венецианского агента Максимилиана II Габсбурга, императора Священной Римской империи (как указано в источнике, *re de' Romani* – римский король⁷). Самого поверенного в делах императора звали *Domenico Gaztelo*, у него имелся в Венеции дом, обитатели которого – женщины и некоторые слуги – стали свидетелями обвинения, выдвинутого против Иоанны⁸. Подобное свидетельство со стороны слуг и зависимых женщин-приживалок не типично при соблюдении буквы закона, но и не уникально для процессов в Венеции. В числе свидетелей упомянут также ряд лиц высокого ранга, например, капитан Валерьян Фортунат из Терни. Кроме того, обвинение в качестве свидетеля поддержал некий медик, практикующий в Венеции (что также стоит взять на заметку, ибо, кроме познаний в астрологии, Иоанна обвинялась как травница-знахарка, возможно, составлявшая невольную конкуренцию признанным специалистам-мужчинам).

Примечательно имя обвинителя, того самого секретаря имперского агента-поверенного: Томазо Джуринович (*Thomaso Jurinovich*). В такой форме имя выдвигавшего обвинения лица было зафиксировано при его обращении в Трибунал⁹. В начале составленной жалобы с намерением возбудить процесс и преследование Иоанны указывается ее точное (разумеется, точное по понятиям эпохи) место жительства – квартал с указанием главной церкви и лавки района (*San Stefano in calle del Pistrin*). В этой манере до сих пор обозначаются венецианские адреса.

В феврале 1557 или же 1558 г. (дата точно не указана, сохранилось упоминание месяца и дня недели, по которым можно предположить год) последовало повторное ходатайство, составленное от имени Иоанны неким Паоло Дандоло¹⁰. В данном документе Иоанна из Милана названа оставленной женой некоего человека из города Комо. На этот раз мольбы о прощении сопровождались указанием на слабость и плохое самочувствие обвиняемой, которую посетил медик, чья помощь, впрочем, ограничилась тем, что он нашупал пульс больной и не нашел опасности, а также констатировал отсутствие жара. Явно, медик не был беспристрастен, и, возможно, желал осуждения потенциальной

---

⁶ Ibid. P.25.

⁷ *Streghe e diavoli nei processi del S Ufficio*, p. 21.

⁸ Ibid. P. 22.

⁹ Ibid. P. 21.

¹⁰ Ibid. P. 22-23.

конкурентки. Из этого свидетельства мы узнаем, что Иоанна помещалась в доме подле церкви Св. Иоанна Крестителя (Сан Джованни Де-колато), которая существует и сейчас.

В 1564 г. тучи над Иоанной сгустились окончательно: свидетельские показания стали приниматься самим патриархом венецианским. Свидетель, житель контрады Сан Салватор, называет обвиняемую своей соседкой и показывает, что Иоанна предсказывала будущее, т.е. гадала. Судя по тому, что все указанные локации в городе не являются смежными, я предполагаю, что, чувствуя опасность, знахарка-гадалка меняла место жительства, в результате чего некоторое время ей удавалось избегать как преследования центральной власти, так и недоброй молвы и обвинений соседей. Тем не менее, подозреваемая была связана необходимостью являться перед трибуналом два раза в год – в начале сентября и начале марта. Однако, ссылаясь на боль в ноге, она перестала это делать. Вероятно, что стареющая гадалка не могла более скрываться и почти перестала выходить из дому. Даже во время финального процесса, как мы помним, после нескольких попыток уловить и изобличить ведьму, для обвинителей остаются вопросы о ее внешнем виде и особых повадках: у свидетеля пытаются вызнать приметы женщины, ее возраст, манеру одеваться и вести себя. Таким образом, следствию эти точные приметы не были известны. Далее, у инквизиторов возник вопрос, как часто и куда выходит подозреваемая из дома и посещает ли церковь. Свидетель описывает примерный возраст – 57 лет и приметные детали костюма соседки, но не может точно сказать, бывает ли Иоанна в церкви.

Важно отметить, что в этом допросе обвинение максимально идет свидетелю навстречу в смысле языка общения: вопросы задаются на просторечном языке, местном диалекте и таким же образом фиксируются. Вот, например, очень важный пункт: вопрос о посещении церкви предполагаемой колдуньей. Можно констатировать, что не только ответ венецианского горожанина-простолюдина, соседа Иоанны, но и вопрос к нему прозвучал на народном языке вольгаре, поскольку содержал не слово «ecclesia» («экклесия»), и даже не вольгаризированный его вариант «Chiesa», характерный для нарождающегося итальянского языка и зафиксированный в нотариальных актах, а, следовательно, известный даже простолюдинам, но именно типично венецианский диалектный вариант произношения: *gesia*, наиболее понятный свидетелю¹¹.

---

¹¹ Вопрос дознавателей задан и утрирован в диалектной форме: P. 26 *Vala fuora de casa? Vala in gesia?*

Этот пункт о посещении церкви (какой-либо приходской или собора, или монастырской мессы) был весьма важен как для определения того, остается ли подозреваемая в ведовстве христианкой, так и для решения вопроса о том, насколько худо здоровье обвиняемой и может ли она выходить из дому. Видимо, поэтому вопрос был задан в максимально доступной форме. Свидетель, тем не менее, отговаривается незнанием, как и вообще не дает развернутых ответов на большинство вопросов о его личном знакомстве с ведьмой, хотя и признает, что обращался к ее услугам, надеясь с помощью ведовства найти случившуюся у него пропажу. Иоанна, однако, не указала грабителей, а посоветовала соседу искать пропажу у себя же в лавке-мастерской (*botega*).

Свидетель дополнительно показал, что не платил Иоанне, но та принимает мзду за свои предсказания от других, готовых расплатиться за ее советы¹². Кроме того, сосед предполагаемой ведьмы видел, кто посещал ее дом и щедро поделился этой информацией со следствием, назвав имена и статус клиентов Иоанны¹³, вплоть до описания примет: например, чернобородый, полный, носит одежду чужеземного покроя и т.п. В том числе, таким подробным образом были описаны и названы по имени двое: Юлиус (Джулио) Сала и Бартоломео, вице-капитан Совета Десяти, весьма могущественного органа Светлейшей Республики¹⁴. Можно было бы счесть такую смелость, как показания против лиц высокого социального статуса, признаком вольнолюбивого духа венецианцев, однако не меньше оснований полагать, что дело здесь не только в нем, но и в известном противостоянии светской и церковной власти в Венеции, благодаря чему подобные обвинительные свидетельские показания были не только произнесены, но и зафиксированы письменно и официально. Как видно, клиенты из числа состоятельных граждан не подвергались никаким репрессиям и даже могли от щедрот своих внести денежный залог-штраф за томящуюся в карцере знахарку. Возможно, однако, что столь компрометирующий материал в отношении конкретных высокопоставленных лиц мог быть использован выборочно, в удобный момент, их возможными противниками. Записи, в любом случае, остались и сохранялись.

Несколько нарочитым выглядит то, что два опрошенных друг за другом свидетеля по делу Иоанны немедленно показали на одно и то

---

¹² Ibid. 26: “mi non ghe ho dato cosa alcuna, ma chi ghe da, la tuol”.

¹³ P. 27: un seignor Julio Sala bressan, el qual continuamente pratica in casa di questa dona

¹⁴ Ibid.: ...et anche un vicecapitano di Cai, un Bartolomeo ...che veste alla forestiera

же достаточное известное в Венеции лицо. В принципе, не так уж странно, что новый свидетель первым делом отметил в кругу близких друзей и покровителей обвиняемой того самого человека, которого только что описал его предшественник – люди, жившие по соседству, должны были равно замечать постоянного клиента подозреваемой ведьмы. Однако в их показаниях есть почти дословные совпадения, как бы запись под копирку, чего обычно не встречается в аналогичных случаях: серийные показания свидетелей по одному делу, как правило, содержат гораздо меньше повторов. В данном случае, в обоих свидетельских ответах подчеркивается, что этот господин не просто посещает Иоанну, но имеет к ней особый доступ, и что даже из дома Иоанна выходит без сопровождения служанки, но исключительно с этим лицом. Статус покровителя ведьмы оказался весьма примечательным: то был вице-капитан Совета Десяти. Такой согласованный донос двух свидетелей на столь примечательного человека, занимавшего ответственный государственный пост, как мне кажется, стоит отметить.

Своеобразный, не похожий ни на кого стиль рассказа продемонстрировал свидетель по имени Марко Каравелла, который не отличался высоким статусом, но держал себя в присутствии высокопоставленных дознавателей вызывающе свободно. Свидетель сообщил, что к гадалкам, по его мнению, ходят многие горожане, даже благородные господа и священники¹⁵. Свидетель утверждал, что в самом начале общения гадалка (Иоанна) не испрашивала плату, но в итоге зарабатывает за день больше, чем он за неделю в своей мастерской-лавке (ботеге)¹⁶. Свидетель уточнил и то, какой взнос, в конце концов, он сам сделал гадалке в местной монете – одну мелкую монету (*una gazeta*)¹⁷. Возможно, предположения об огромных заработках Иоанны не имели особых оснований, но важно отметить, что вопрос этот интересовал равным образом и соседей обвиняемых в ведовстве, и инквизиторов, причем и те, и другие, вероятно, совпадали в старании приписать мнимым ведьмам корысть и стяжание в огромных размерах через предосудительное ремесло.

---

¹⁵ P. 29: “...la fa struologie, che vien tante persone, et preti, et frari, et zentil-homenia domandarme d’ essa”.

¹⁶ P. 30: et la vadagna tanti danari per questo che magari vadagnasse in una settimana nela mia botega quell che la vadagna in un zorno.

¹⁷ P. 28: la prima volta ghe ho dato una gazeta et poi non ghe ho dato altro (т.е. свидетель показал, что уплатил в первый раз самую мелкую монету, и более никаких приношений не делал).

Если вернуться к частностям расследования вины Иоанны, то весьма важное практическое значение имел вопрос, выходит ли гадалка из дому. Дело в том, что согласно особому указанию 1560 года гадалка должна была являться дважды в год – в первые дни марта и сентября перед особым Трибуналом и свидетельствовать о своем послушании и примирении с церковью и властями Светлейшей. В 1561-63 гг. женщина исполняла эту явку аккуратно, правда, не в первый день месяца, а во второй или третий за одним исключением: 3 марта 1562 года возможная ведьма не явилась, послав предупредить о своей болезни и слабости. С сентября 1562 г. и по 1564 г. обвиняемая демонстрировала покорность и приходила в Трибунал. За это время поменялся писец, делавший записи о вызове и явке ведьмы: в начале документа имя значится в латинизированной форме: Ioanna, затем везде идет диалектная форма (Zuana).

Так продолжалось вплоть до марта 1564 г., когда в третий день месяца было зафиксировано, что провинившаяся Иоанна/Джованна не может ходить и даже двигаться по дому, она лежит и не встает. Аналогичные записи следуют до 1568 года¹⁸. Подозреваемая постоянно манкирует долгом повиноваться Трибуналу и являться лично, Трибунал присылает доверенных лиц для освидетельствования больной или мнимой больной. В это время, по различным показаниям, ведьме было от 50 до 60 лет, причем ближе к рубежу 60-ти лет.

Опрос свидетелей, знавших гадалку, продолжался. Самое любопытное об Иоанне сообщает ее близкий знакомый, «иностранец» из Брешии, которого упоминали многие свидетели как постоянно общающегося с ведьмой. Это был довольно молодой человек по имени Julius Sala, на высокий статус которого указывает форма обращения к нему дознавателей: Signoria Vostra (недопустимая в случаях опроса предыдущих лиц – купцов или мастеровых). Благородный господин признается, что встречал Иоанну практикующей в других городах Севера Италии: Пьяченце, Милане и Брешии. Их первая встреча произошла в Пьяченце в доме местного графа¹⁹. Из этих показаний следует, что еще, как минимум, 14-15 лет назад Иоанна практиковала то же самое умение предсказывать будущее, гадая по руке.

В момент допроса свидетеля – представителя элиты происходит или должно было произойти очередное видоизменение формы диало-

---

¹⁸ P. 40-44.

¹⁹ P. 31 La conosco credo che'l sia da 14 in 15 anni, in Piacenza in casa del conte Villachiarà...

га. Опрашиваемый стоит не ниже, а может быть, и выше ряда дознавателей на ступенях социальной лестницы. Упомянутые в данных свидетельских показаниях люди, например, граф из Пьяченцы, также принадлежат нобилитету. Высокий статус замешанных в это дело лиц несколько не гарантирует их неподсудности, однако он важен для возможности понять особый статус гадалки, подозреваемой в ведовстве: ее клиенты – знатные иноземцы и венецианцы, следовательно, сама Иоанна принадлежит не к тому же кругу, что ее соседи – лавочники и мастеровые. Собственно, уместен вопрос, является ли решающим фактором в определении статуса (и участи) женщины обвинение в колдовстве (или самооговор как предсказательницы и ворожей), либо статус предполагаемой ведьмы определяется кругом знакомств, уровнем покровителей.

С точки зрения внутренней драматургии сюжета о ведьме кульминационный момент наступил тогда, когда показания против Иоанны должен был дать ближайший и многолетний ее спутник Бартоломео, вице-капитан Совета Десяти. Его допросили в мае 1564 г., одновременно с молодым другом гадалки Сала. В выбранном нами ракурсе исследования данный момент развития диалогового пространства весьма важен. В это пространство призван не просто человек повышенного статуса, но лицо, имеющее власть, исполняющее важную для государства должность. Никаких отговорок от участия в дознании опрашиваемый не изобретает и ведет себя перед трибуналом так же, как и его предшественники-простолюдины. Более того, свидетель пытается рассказать больше, чем этого требует простой ответ на вопрос.

С первых же слов свидетель заявляет, что подозреваемая в ведовстве женщина была его подругой долгое время²⁰, вплоть до Пасхи текущего года, когда любовники решили расстаться и исповедоваться²¹. Что это? Волевое решение и покаяние, которое, однако, повлекло за собой новый виток разбирательств и дознаний, или же трезвый план, осуществленный тогда, когда тучи окончательно сгустились над обоими? Даже отвечая на вопрос, одержима ли духами его бывшая любовница, пылкий вице-капитан успевает показать, что гадалка – самая привлекательная женщина во всем христианском мире. Правда,

---

²⁰ P. 33 Interrogatus: Cognosseu una donna Zuana Milanese...? Respondit: La conosco come fano li homeni

²¹ P 34 Fuit sibi dictum: Ela vostra femena

Respondit: La e stata fino questa Pasqua.. et mi ho confessado et communicado, et cosi anche essa se ha confessa

даже по мнению Бартоломео, это свидетельство того, что миланка все же была одержима. Возраст женщины указан так: примерно 50-54 года²². Это признание вместо свидетельских показаний занимает две страницы с небольшим в публикации, но история любовников и их совместная жизнь развивалась многие годы, мужчина удалялся только на время составления гороскопа или ночного гадания по звездам²³.

Дискурс, носителем которого был свидетель (а, фактически, сожигатель и соучастник ведьмы), весьма примечателен. Это не речь простолюдина, но и не вполне язык представителя элиты, по крайней мере, элиты интеллектуальной: характер службы свидетеля не предполагал ни покорения высот схоластики, ни упражнений светского гуманистического начала. Язык показаний более чем живой и неформальный, это почти разговор по душам с дознавателями, в котором сожигатель и вероятный пособник ведьмы не скрывает своих чувств к обвиняемой.

Еще более странным для читателя, настроившегося на историю противоборства «инквизитор – допрашиваемый», выглядит язык показаний вызванного вслед за незадачливым любовником стороннего свидетеля – торговца вином и зерном, иностранца (происходившего из Бергамо), поселившегося в Венеции по соседству с гадалкой. На вопрос о вовлеченности соседки в ведовство и колдовство добрый сосед отвечает: «Люди говорят о ней так-то, она сведуща в Астрологии». Однако сознательно и от своего лица свидетель не обвиняет подозреваемую, несмотря на все наводящие вопросы. На вопрос, часто ли выходит Иоанна из дома, со двора, свидетель отвечает более чем невежливо и заносчиво, совсем не так, как отвечают представителям власти. Буквально реплика свидетеля звучит следующим образом: «Да как же вы хотите, чтобы эта женщина выходила из дома? Ведь она и вовсе ступать не может, у нее же нога больная!»²⁴. Такая стилистика речи, отметим, характеризует статус купца, торговца прибыльным товаром, который в Италии изучаемого периода входил в городскую элиту, т.е. вызванный на допрос был далеко не последним человеком. Нарочитая простота и даже грубость ответа демонстративна, в нем проскальзывает желание защитить соседку от обвинений.

Как указывалось выше, автору данной работы важен не только и не столько порядок ведения дел дознания и обвинения, не только их формальное начало и разрешение ситуации – наказанием или проще-

---

²² P. 35.

²³ Ibidem.

²⁴ P. 37: “Interrogatus: vala spesso fuora la casa?”

Respondit: Ma se la no puol caminar, come voleu che la vada fuora de casa?”.

нием, но сам стиль и характер общения, который сохранили письменные свидетельства. Однако некоторые обстоятельства правовых казусов, формальные причины возобновления дел или начала дознания важны именно тем, что в них отражаются дискурсивно важные моменты, особенности менталитета участников взаимодействия.

Поэтому мое внимание не может не привлекать то обстоятельство, что основные события по делу Иоанны стали происходить по нарастающей именно после того, как предполагаемая ведьма и ее любовник прибегли к исповеди. Этот аспект также достоин быть вписанным в изображение пространства диалогов неравных. На этом мы оставим на время столь примечательный и богатый казус Иоанны и перейдем к делам других подозреваемых в ведовстве.

Следующее дело по обвинению в ведовстве, на котором мне хочется сконцентрировать исследовательские усилия, хотя и велось гораздо позже – в июне 1587 года, перекликается с казусом гадалки тем, что формально началось с исповеди. Оно также обращает на себя внимание рядом своеобразных черт.

Главная обвиняемая по имени Изабелла не ждет пассивно своего часа, пока собираются свидетельские показания за и против нее, а сама, от первого лица дает показания, при этом дознание является прямым продолжением исповеди²⁵.

Услышав рассказ своей духовной дочери, духовник посылает ее прямо к инквизиторам, поскольку именно и исключительно инквизиторы имеют право отпускать некоторые особые виды прегрешения и проступков. Все участники и свидетели этой ситуации не находят в данной практике ничего странного и исключительного, по крайней мере, никак не проявляют своего изумления. Возможно, бдительные духовники приходского уровня получали поощрение и новую ступень в карьере, а нерадивые, не вступившие в переговоры с вышестоящими относительно своих духовных чад исключались из карьерного резерва и отрезали себе возможности, пусть в такой неприглядной роли, войти в пространства диалога неравных.

Дело Изабеллы, которое мы начинаем анализировать, обращает на себя внимание и тем, что некоторые свидетельства являются, по сути, кратким или пространным, но точным пошаговым руководством по колдовству и призыванию нечистых сил (на свою сторону).

Изабелла курьезным образом берет на себя инициативу развития собственного дела и пускается в подробности, о которых ее не успели

---

²⁵ P. 217: ...sponte venit et comparuit missa a suo confessario...

спросить инквизиторы. В частности, важным рецептом исполнения желаний, которому в свое время научили теперешнюю колдунью другие, опытные в магических практиках, является совет прочесть 33 раза “Отче наш” за самую бедную несчастную душу осужденного преступника. Затем уже колдунья вправе потребовать от этого духа исполнения своих прихотей²⁶. Кроме того, Изабеллу обучили специальной дьявольской просительной молитве, которую можно творить исключительно под Рождество. Изабелла рассказывает, что ведьма, раздевшись, должна обратиться к собственной тени и вступить с ней в сложные переговоры, ласково именуя тень сестрой²⁷. На протяжении нескольких страниц идет запись рассказа Изабеллы о тех магических практиках, которым ее учили другие товарки, чьи имена Изабелла не скрывает. Не шадит она и собственную мать, заверяя, что та привержена именно таким началам магии. В новой перспективе предстает описываемое нами пространство диалога: донос, которым по сути можно назвать рассказ ответчицы, необыкновенно расширяет познания и компетенцию дознавателей, а, кроме того, и круг заочных участников. Получается, что целый ряд, если не большинство знакомых Изабелле женщин, ее товарок и кровной родни – причастны к миру гаданий и магических практик, более того, постоянно проводят нечто вроде интерактивных занятий по совершенствованию в магии.

В записи нет никакого намека, никаких следов применения физического принуждения или хотя бы наводящих вопросов, спонтанная квази-исповедь продолжается как бы сама по себе. В заключительной части своих признаний Изабелла сообщает, что сама пожелала оставить магические практики во время Великого Поста, надеясь приступить к исповеди на Пасху²⁸. В сущности, тема этого признания – самооправдание и помощь в выявлении других ведьм, т.е. свидетельские показания Изабелла произносит не столько в свою пользу, сколько против других знакомых ей женщин.

Это не единственное дело, в котором основную роль играют признания и показания женщин: например, в октябре 1582 г. группа соседей, состоящая из четырех женщин и двух мужчин, обвиняют в ведовстве некоего Руджеро (Ruggiero) специалиста в изготовлении

---

²⁶ P. 218: “et me faceva dire 33 pater nostril per la piu povera anima che se stata giustitiata...”

²⁷ P. 220: “Buona sera, ombria mia, sorelaa mia”.

²⁸ P. 226: “Io ho buttato via ogni cosa, tutto tutto, questa Quaresima, perche mi voleva confessare questa pasca”.

миниатюр²⁹. Примитивные схемы описания гендерного неравенства и распределения активной и пассивной роли между женщинами и мужчинами применительно к Венеции XVI века не работают.

Естественно, обвинители и ответчики обладали неравным уровнем образования, разной логикой мышления и руководствовались разными жизненными ориентирами. Но интересно, что при этом заведомо подчиненная сторона – свидетель или возможный соответчик – имеет определенную свободу самовыражения, может поправить формулировку вопроса, отвергнуть ее вовсе или уточнить детали, о которых не знал или не догадывался инквизитор. Разумеется, некоторые воззрения у дознавателей и свидетелей или же обвиняемых были общими. И те, и другие верили в одержимость людей духами, в духов, заключенных в объекты: кольца, ампулы, сосуды (упоминался даже бокал мурановского стекла), так сказать, локальная специфика наживки для улавливания нечистых духов.

Инквизиторы и опрашиваемые имели сходные представления о признаках ведьм, а также их умениях и магических практиках: например, распущенные по плечам волосы или особый цвет свечи, зажженной женщиной, подозреваемой в знахарстве или гаданиях, свидетельствовали, безусловно, против нее и даже взятые отдельно, сами по себе, без дополнительных обстоятельств или подозрений, эти особенности поведения годились для обвинений в ведовстве.

При этом по логике обвинителей в круг предосудительных и караемых включались не только действия, но и умения или способности: в том числе: лечить инфекции (прежде всего, «французскую болезнь»), снимать боли и вправлять вывихи. Такие навыки, например, демонстрировала другая Иоанна (Джованна) по прозвищу Семолина, которая, в отличие от первой нашей героини, подверглась гонениям и содержанию в карцере в 1584 г.³⁰ Иоанна была дочерью ремесленника-красильщика, уже покойного к моменту начала ее преследования (на что указывает, по обыкновению, словосочетание: *quondam magistri Dominici tintoris*), а также оставленной (*relicta*) женой Лазаря³¹. Эта обвиняемая, делом которой вновь заинтересовался лично патриарх, в отличие от некоторых других подозреваемых, не шла первоначально

---

²⁹ Р. 53.

³⁰ Материалы процесса обширны (Р. 63-86). Самые подробные сведения о врачебной практике этой ведуньи и знахарки дал монах Иоанн Доминик из ордена доминиканцев (см разбор ниже). В источнике показания занимают всего страницу (р. 69), но они весьма примечательны.

³¹ Р. 64.

на контакт с дознавателями и отвечала на вопрос, знает ли, почему подверглась преследованию, отрицательно: т.е. буквально, «знать не знаю и ведать не ведаю, не могу представить, в чем меня обвиняют»³². На вопрос же о том, правда ли, что в ее доме бывают нобили Венеции, а также знатные и другие особы, чужестранцы, в том числе благородные женщины, подозреваемая отвечает, что подобные люди бывают не иначе как с целью получить медицинский совет, ибо она занимается врачеванием уже 16 лет (употреблены термины «профессия» и «искусство» – *professione, arte*), чем и объясняется ее известность. В данном казусе также подмечена и отражена возможность коммуникации неравных по статусу.

В то же время Иоанна Семолина категорически отрицала то, что занималась гаданиями и предсказаниями. Сам строй подробных вопросов, которые более не задавались ни одной из подозреваемых в ведовстве женщин, наводит на мысль о том, что основания для расспросов и некоторые конкретные косвенные улики или устные наветы были, а подобная практика гаданий, в том числе в связи с вопросами выборов и внутренней политики светлейшей Республики, была знакома Семолине. Однако избранная для защиты тактика оставалась прежней: никаких признаний, кроме факта оказания медицинской помощи. Вообще же о подобных ведуньях шла особая слава и вера в их способности разыскивать пропавшие предметы (строить предположения о местонахождении потерянного или украденного).

В материалах дела есть одно свидетельство о том, что подозреваемая оказывала помощь в качестве ворожеи, но не с целью заставить законопослушного гражданина оставить свой долг и дом, а напротив, вернуть под супружескую сень и в семейный круг человека, вступившего в связь с известной проституткой. Показания свидетеля достаточно расплывчаты и не позволяют четко приписать это деяние Иоанне, тем более не позволяют установить, что женщина приняла плату за такую «помощь». Показания дал брат того самого посещавшего дурную женщину жителя Венеции, а за помощью к знахарке и ворожее предположительно обращалась жена³³. Правда, весьма авторитетный свидетель брат-доминиканец по имени также Доминик под присягой свидетельствовал, что Иоанна не только умеет прорицать и ворожить, но и учит этому пагубному искусству других женщин округа, а также помогает узнать женам, как и где живет отсутствующий в Венеции муж или

---

³² Ibidem: “io non lo so e ne me lo posso pensare”.

³³ P.71-73.

любимый, жив он или мертв³⁴. Однако свидетельство дается со ссылкой на тех самых женщин, а не от первого лица. Товарки же не выступили с обвинениями по вполне понятным причинам. Показания монаха даются на вольгаре, а не на латыни и, в сущности, нет сомнений, что нищенствующий брат действительно передает реальные разговоры со знакомыми ему мирянками, прибегавшими к помощи ведуньи.

Очевидно, что «слава» среди соседей и заметный статус знатока, ведуньи, были отягчающим обстоятельством при обвинениях, хотя только такая молва могла гарантировать знахарке клиентов и заработок, а, возможно, и влиятельных покровителей. Думается, что свое ремесло эта Иоанна знала хорошо, выполняла исправно и действительно обладала некоторым особым искусством. Нареканий от клиентов ее мастерство не вызывало, иначе за 16 лет кто-нибудь непременно потребовал бы женщину к ответу за причиненный вред и ущерб. Самоидентификацию, имя профессионалки, Иоанна заслужила.

Что касается лиц, выступавших со стороны обвинения, и необходимых им компетенций, то здесь требовалось быть знатоком обоих видов права – римского и церковного, каким являлся, например, патриарх Венеции, перед лицом которого производились дознания и выслушивались показания. Остается открытым вопрос о том, нужен ли был для обвинения высокий статус или статус доверенного лица персоны высокого статуса.

Несомненно, что и для посредничества между обвиненными и властями с целью буквального выкупа вины, т.е. выплаты штрафа и прекращения наказания (например, заключения), если оно было наложено, требовался «приличный», подходящий по статусу поручитель – из достаточно известной семьи и почитаемого ранга. Весьма важной была и роль посредника иного свойства, того, кто делал запись речи – показаний или прошений обвиняемого, или же свидетеля. Конечно, и в этом случае требовалась высокая компетенция, но формальные познания этого посредника не должны были превратить его из переводчика в предателя одинокого голоса человека. И, как мы видим из приведенных выше красноречивых примеров, знание формуляра и юридических тонкостей не заставляло похоронить под грузом формул смысл и оттенок прозвучавшей речи, даже если этот оттенок был недостаточно изящен или просто груб и неприличен в обращении к высокородным

---

³⁴ P. 67: "...et l'occasione con che la connobi fu che haveva inteso dire da diverse donne che lei faceva l arte del' indovinare come stave il marito di questa o di quella absente, come sta, et se e vivo o morto..."

инквизиторам. Диалог неравных, происходивший в области правового поля дознания, был многосоставным, сложным, но все же ни один, самый низший по статусу заявленный участник этого диалога, не терял своего голоса и лица.

Таким образом, пространство диалога неравных нередко выстраивалось вокруг особого центра – самого низшего в иерархии участника и ответчика. С другой стороны, низшие имели возможность помочь вышестоящим, например, медицинским советом или же «сигналом с места», маленький человек с талантом, возжелавший поделиться своими умениями и эзотерическими познаниями, мог быть принят высшими, и тот же низший мог свидетельствовать против высших или же поставлять материалы показаний, на основе которых принимались решения и выносились вердикты обвинителями.

Тактика защиты при схожести обвинения могла быть разной: от прямого физического уклонения от встречи с дознавателями или хотя бы отрицания наиболее тяжкой и трудно доказуемой вины до полного сотрудничества со следствием, саморазоблачения и доноса на ближних и товарок.

Казусы ведьм и знахарок Венеции интересны, помимо прочего, тем, что показывают особые возможности построения поля коммуникативных связей, пространство диалога, многоголосия и общения неравных. Это происходит в момент обращения к ведунье и знахарке достаточно низкого происхождения и неопределенного статуса особ разного положения, включая знатных и влиятельных. Подобное же отмечается при расследовании казусов ведовства через призму правовых методов: в дознание были вовлечены лица различного социального положения и уровня культуры. Преступление и наказание здесь как бы два зеркальных мира, имеющих нечто общее – возможность и необходимость осуществления коммуникации, невзирая на различие статусов и дискурсов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ceppari M.A.* Maghi, streghe e alchimisti a Siena e nel suo territorio (1458–1571). Siena, 1999.
- Ceppari Ridolfi M.A.* Siena e i figli del segreto incantesimo. Diavoli, streghe e inquisitoriali all'ombra del Mangia (con un saggio di Vinicio Serino). Siena, 2003.
- Di Simplicio O.* Inquisizione, stregoneria, medicina. Siena e il suo Stato (1580–1721), Siena, 2000.
- Valente M.* Caccia alle streghe: storiografia e questioni di metodo // Dimensioni e problemi della ricerca storica, 1998. P. 99–118.
http://dprs.uniroma1.it/sites/default/files/valente_0.pdf
- Тогова О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 334 с.

BIBLIOGRAFIA

- Ceppari M.A.* Maghi, streghe e alchimisti a Siena e nel suo territorio (1458–1571). Siena, 1999.
- Ceppari Ridolfi M.A.* Siena e i figli del segreto incantesimo. Diavoli, streghe e inquisitori all'ombra del Mangia (con un saggio di Vinicio Serino). Siena, 2003.
- Di Simplicio O.* Inquisizione, stregoneria, medicina. Siena e il suo Stato (1580–1721), Siena, 2000.
- Valente M.* Caccia alle streghe: storiografia e questioni di metodo // Dimensioni e problemi della ricerca storica, 1998. P. 99-118.
http://dprs.uniroma1.it/sites/default/files/valente_0.pdf
- Togoeva O.I. «Istinnaja pravda». Jazyki srednevekovogo pravosudija. M.: Nauka, 2006. 334 s.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

**The Space of Unequal Dialogue:
witnesses, witches and inquisitors in the 16th-century Venice**

The author of the article has studied the documents related to the accusations of witchcraft made in Renaissance Venice in the 16th c. (1550-80). The article deals with the research in the field of the communication of the unequal participants, unequal thanks to social or gender status and ad hoc interpreting the different roles of the inquisitors, the accused, and witnesses. The accused had employed various ways of defense: 1) they tried to avoid the contacts with authorities, and to escape from interrogation; 2) they admitted to some accusations and denied the gravest of these; 3) they collaborated actively with the inquisitors, supplying the latter with more information than was actually asked of them, and provided material for the future accusations of the others. Looking from this perspective of the study of the communications, the crime and the punishment could be seen as reflections in the mirror: there are two opposite worlds, where the communication of unequal actors with the different discourses and statuses was unescapable.

Keywords: witchcraft, Venice, inquisition, communication, XVI c., everyday life history, religiosity, church history, history of law, gender.

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS)
liquidmodernity@gmail.com, spesbona@mail.ru